

Сулимов Станислав Игоревич, Черниговских Игорь Васильевич
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МАНИХЕЙСТВА

В данной статье рассматривается генезис манихейства как религиозно-философской доктрины и обнаруживаются его связи с зороастризмом, христианством и буддизмом. Авторы рассматривают эти учения в качестве духовных оснований манихейской концепции. Также акцент делается на том, что основной пафос манихейства – не христианский, а гностический, и прослеживается влияние, оказанное манихейским учением на духовную и политическую жизнь стран, в которых оно получило распространение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 189-193. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.37

Философские науки

В данной статье рассматривается генезис манихейства как религиозно-философской доктрины и обнаруживаются его связи с зороастризмом, христианством и буддизмом. Авторы рассматривают эти учения в качестве духовных оснований манихейской концепции. Также акцент делается на том, что основной пафос манихейства – не христианский, а гностический, и прослеживается влияние, оказанное манихейским учением на духовную и политическую жизнь стран, в которых оно получило распространение.

Ключевые слова и фразы: манихейство; зороастризм; эллинизм; синкретизм; гностическая доктрина; элхаситы.

Сулимов Станислав Игоревич, к. филос. н.

Черниговских Игорь Васильевич, к. филос. н., доцент

Воронежский государственный университет инженерных технологий

sta-sulimov@ya.ru; igrchernigovskix@rambler.ru

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МАНИХЕЙСТВА[©]

На протяжении длительного времени манихейство как религиозно-философское учение привлекает к себе внимание отечественных исследователей, в числе которых Л. А. Тихомиров, Н. А. Осокин, Е. Б. Смагина, А. Л. Хосроев и др. Актуальность рассмотрения данной концепции неоспорима: где бы ни появлялись манихейские общины, в самом скором времени после этого их члены подвергались преследованиям. При этом неискушенный наблюдатель мог бы счесть данное учение одним из ответвлений христианства и, основываясь на этом, сделать вывод, что христианство – крайне неуживчивая, конфликтная религия. В данной работе мы рассмотрим генезис манихейства, выделив его религиозно-философские основания. Это даст нам возможность найти или опровергнуть его связь с ранним христианством и выделить причины, по которым манихейство при самом своём широком распространении вместо мировой религии стало мировой ересью.

Последние века до н.э. и первые века н.э. справедливо можно назвать эпохой гностицизма, который является хронологическим предшественником как христианства, так и манихейства. Возникая в синкретическом, эллинистическом обществе Ближнего Востока, гностицизм зиждется на противоречиях искусственного, непрочного духовного мира греческих городов (Александрии, Антиохии), окруженных настоящим морем туземцев. Вот как характеризует сущность гностицизма А. Л. Хосроев: «Мы понимаем это явление как идеологический протест отдельных личностей (группы личностей) против обязательной, исповедуемой всеми (массой) религии, как (искусственную) попытку создать свою собственную систему мысли, как стремление к постижению божества неординарным способом (в данном случае мистическое познание в противоположность привычной для прочих религий вере) и т.п. – одним словом, речь идёт о попытке создать некую над (вне) конфессиональную идеологию» [5, с. 45-46]. Под «массой» исследователь понимает туземных жителей эллинистических государств Леванта (египтян, сирийцев, персов и т.д.).

В большинстве своём гностики были рафинированными интеллектуалами с классическим античным образованием, которые искали рационального понимания предельных оснований бытия и стремились строить свою жизнь по принципам рациональной философии. Восточное же простонародье ориентировалось на свои традиционные религиозные культы и пришедший из Индии митраизм. Ситуацию коренным образом изменило возникновение христианства, в котором нашли для себя духовное прибежище представители всех общественных слоёв эллинистического Леванта, а затем и имперского Рима. Самые позитивные элементы язычества быстро переходили в новую религию и ассимилировались в ней, потому что до этого они выполняли сходные функции. Новая вера просто показала и дала людям то, что им было на самом деле нужно. «Греки верили в свой оракул не потому, что были суеверными глупцами, а потому что не могли не верить в него. И когда значимость Дельф в эпоху эллинизма стала падать, главная причина этого, я подозреваю, заключалась не в том, что люди стали (как думал Цицерон) более скептическими, а скорее в том, что другие формы религиозного покровительства показались более надёжными» [2, с. 116-117]. Фигурально выражаясь, солярный бог Аполлон просто передал свои позитивные функции архангелам Гавриилу и Уриилу, понимая, что они справятся лучше него. Античная философия, пришедшая к мистическому самоотрицанию в неоплатонизме, также была во многом инкорпорирована в христианство. Гностики же хотели сохранить античный менталитет, только лишь перемещивая в новых сочетаниях компоненты восточных и греко-римских культов и философских систем. Имперские власти поощряли такую деятельность (примером может послужить спонсирование императрицей Юлией Домной написание Филостратом романа об Аполонии Тианском). Но простонародье не желало углубляться в философские изыски, и гностики оказались в положении неудачливых «ходоков в народ». Образованные интеллектуалы из больших городов оказались никому не нужны и поэтому попали в духовный вакуум.

Таким образом, городское общество Леванта рассматриваемого периода было уже несколько веков интернациональным и мультикультурным, но попросту не имело «своей» монолитной традиции, исходя из которой

можно было бы строить свою жизнь. В принципе такая судьба ждала не только восточные провинции Римской империи, но и эллинистическую Парфию. Вот как характеризует парфянскую духовную жизнь Е. Б. Смагина: «Следует сказать о религиозном плюрализме этой многонациональной и разноязычной империи, наряду с зороастризмом в ней были распространены различные разновидности раннего христианства (в том числе так называемый сирийский гностицизм), иудаизм, митраизм, пришедший из Индии буддизм. Всё это, несомненно, создавало благоприятную почву для формирования синкретического религиозного мировоззрения, подобного манихейскому. Надо добавить, что Аршакиды проявляли терпимость по отношению к иноверцам: гонения на другие религии начались впоследствии, уже при Сасанидах» [4, с. 32]. Однако персидское простонародье, опираясь на традиционные для их страны зороастризм и митраизм, свергло синкретическую, интернациональную власть династии Аршакидов. Поэтому в Персии гностицизм процветал только в сопредельных с Римской империей областях, что, правда, не умаляло его влияния. Итак, к III в. н.э. сложилось гностическое сообщество, составленное из людей, не имеющих целостного мировоззрения и отделённых от социальной реальности культурным барьером. Это было фактически герметическое сообщество, неуютно чувствующее себя в христианском и зороастрийском мирах и готовое примкнуть к любой религии или философии, которая позволила бы духовно дистанцироваться от простонародья. Не хватало только духовного лидера, который бы теоретически оформил надежды гностиков. И такой духовный лидер нашёлся в лице персидского пророка Мани.

Биография Мани, к сожалению, изучена не очень хорошо. Известно только, что он много путешествовал и был хорошо знаком как с христианством (по некоторым данным, даже был родом из Александрии), так и с буддизмом. По одному из преданий, отец проповедника, мелкий торговец Паттиний, был членом секты элхаситов, т.е. адептом христианской ереси, признававшей из обрядов только крещение водой. В 240 г. молодой человек начал проповедовать, начав с обсуждения современных ему религий. Так, он классифицировал все религии и культы, ориентируясь на четыре стихии. Вода – христианство (вероятно, Мани воспринимал христианство как элхасит); огонь – зороастризм (в парсизме ритуально почитается огонь); ветер – буддизм, митраизм и любая другая религия, имеющая священные изображения; тьма (земля) – иудаизм и культы, связанные с оракулами. И все эти верования Мани объявил заблуждением. По его мнению, все они сыграли положительную роль в судьбах исповедующих их народов, но теперь пришло время для создания единой, всемирной религии. В самых различных местах (Армении, Персии, Средней Азии) представители власти запрещали ему проповедовать, хотя находились и прозелиты. После встречи с персидским шахом Бахрамом Мани даже был взят под стражу и умер в тюрьме.

Итак, Мани много путешествовал и был тесно связан с Персией, а следовательно, и с зороастризмом. Многие современники (епископ Архелай в работе «Acta Archelai» и церковный хронист Епифаний в работе «Панарион») связывают манихейство с буддизмом. Происходя из сектантской общины, отколовшейся от христианства, Мани, разумеется, был знаком с догматикой этой религии. В дальнейшем, говоря о предшественниках своего учения, «пророк» называл в качестве апостолов Моисея, Заратуштру, Платона, Будду и Христа. Таким образом, мы можем выделить философско-религиозные основания манихейства. Это – зороастризм, буддизм и христианство; три несовместимые, хотя и в чём-то похожие религии. Как мы увидим ниже, греческая философия тоже оставила в манихействе свой след. Но ведущим компонентом данной доктрины, как мы покажем ниже, был именно зороастризм. Прежде чем переходить к подробному рассмотрению манихейства, следует заострить внимание на парсизме, потому что Мани большую часть своих проповедей произнёс именно в Сасанидском Иране и не мог избежать влияния господствующих там верований. В данной работе термины «парсизм» и «зороастризм» употребляются как синонимы, хотя это, возможно, и не совсем так.

Основателем парсизма считается пророк Заратуштра (в греческой транскрипции Зороастр, в арабской – Зардушт), живший на рубеже VI-VII вв. до н.э. По большому счёту, этот духовный деятель не придумал новой религии, а только реформировал в этическом ключе индийско-персидские языческие верования. По мнению Заратуштры, бытие изначально дуально: два несотворённых божества борются друг с другом до окончательной победы. Благой бог Ахура-Мазда творит мир и стремится сделать его максимально добрым. Но у него есть могущественный противник – злобное божество Ангра-Майнью (в греческой транскрипции – Ариман, и для благозвучия мы будем именовать его так). «Скорее всего, именно суровая действительность убедила пророка в том, что мудрость, праведность и доброта по своей природе отличны от порочности и жестокости; и вот в одном из видений ему предстал сосуществующий с Ахура-Маздой его противник – Ангра-Майнью («злой Дух»), который тоже изначален, но несведущ и полностью зловреден» [1, с. 32]. Ариман не может сотворить ничего позитивного, но охотно портит и искажает всё, создаваемое благим божеством. В принципе, Аримана нельзя сравнивать с христианским Сатаной, потому что он всё-таки творит. Но его творения не могут существовать без «благих» объектов, к которым они относятся как двойники или дополнения. Например, Ахура-Мазда сотворил огонь, но Ариман сразу же добавил к нему дым, чем создал для кочегара и повара ряд неудобств. Однако светлое божество сильнее и обязательно одержит победу, сделав мир полностью благим, убрав из него весь негатив.

Зороастризм является первой религией, в которой присутствует момент загробного воздаяния. Заратуштра учил, что нравственные люди после смерти попадают в рай, где ждут окончательной победы Добра над Злом. После этого им вернут их тела, и жизнь продолжится, но уже в лучшем, избавленном от изъюнов и пороков мире. Грешники тоже имеют загробную жизнь, но в аду, изображаемом в парсизме как огненная долина. После поражения Аримана ад будет уничтожен вместе со всеми его обитателями. Под праведностью Заратуштра понимал неустанную борьбу со злом, но борьба эта включает в себя не уничтожение «злых»

предметов и людей, а увеличение в мире добра. Каждый добрый поступок является услугой, оказанной человеком Ахура-Мазде, за которую благое божество охотно отблагодарит верующего после смерти. Изначально человек принадлежит Ахура-Мазде, поскольку, подобно светлым богам меньшего уровня («бессмертные святые», «добрые боги»), является его эманацией. Зло в человеке возникает лишь как временный дефект, который вполне может быть устранён следованием парсийскому закону. «Зороастр дал последователям особый моральный закон – жить в соответствии с благой мыслью, благим словом и благим делом» [Там же, с. 36]. Иными словами, от парса требуется «думать хорошо, говорить хорошо, делать хорошо», и это будет самой действенной борьбой со Злом во имя Добра.

Священная история зороастризма включает в себя следующие этапы: *бундахишн* (сотворения мира Ахура-Маздой и придание творениям материальной оболочки), *гумезишн* (нападение Аримана и его свиты, злых духов-дэвов, которые портят всё, созданное светлыми божествами) и *визаришн* (люди и боги, совершая добрые дела, постепенно вытеснят Зло и восстановят мир эпохи бундахишн). Заратуштра считал, что на момент его проповеди мир находится в состоянии гумезишн, и поэтому пророк призывал своих последователей созидать, трудиться, заботиться друг о друге и не умножать скорби. Неслучайно зороастрийская этика приравнивает выращивание хлеба к не очень страстной молитве.

Таким образом, получается, что зороастризм – позитивная и благотворная религия, если её сравнить хотя бы с античным язычеством и ветхозаветным иудаизмом. Греческая философия объясняла множество онтологических нюансов, но смысл бытия оставался для неё загадкой. Поэтому персы оказались единственным восточным народом, который сумел не только сохранить своё духовное «ядро», но и противостоять эллинистическим соседям, почти не подвергаясь их духовному влиянию.

Мы предприняли такой развёрнутый обзор зороастризма только потому, что в основу манихейской доктрины легли видоизменённые положения этой религии. Знакомство пророка Мани с буддизмом и античной философией, а также рядом гностических идей сыграли свою роль, но «душа» у манихейства зороастрийская. Однако, будучи представителем гностического сообщества, Мани адаптировал персидскую религию и возникшую на её основе религиозно-философскую систему к запросам интернациональной, римско-эллинистической публики из мегаполисов. Сам он, правда, полагал, что создаёт мировую религию, которая сможет получить развитие во всех краях, где ему довелось побывать. Результат оказался прямо противоположным.

Но чему же именно учил Мани? Теперь мы переходим к собственно манихейской доктрине, изложенной в работе «Кефалайя» («Главы»), построенной как ответы Мани на вопросы учеников. Для краткости и чёткости излагаем данную систему по пунктам, согласно её догматике.

1. Мир всегда был дуальным. Свет и тьма не имеют общего источника и не могут найти компромисс. «Во Вселенной извечно существуют два начала, или две силы, никак между собой не связанные и не имеющие ничего общего – свет и мрак» [4, с. 124].

2. Свет – это чистый дух, лишённый зла, но при этом не имеющий никакого материального воплощения. Все его творения величественны, прекрасны и бессмертны. Противоположность света – мрак, то есть бездуховная, бесформенная материя. Свет спокоен и неподвижен, а мрак беспокоен и агрессивен. Силы мрака постоянно борются между собой и против света. Активное начало и персонификация мрака – материя (Мани именуется её Грех и Помысел Смерти).

3. Свет персонифицирован в верховное божество, именуемое Отец Величия или Бог Истины. Свет делится на 12 эонов. Эон – это понятие, позаимствованное из гностицизма, и оно плохо переводится на русский язык. Поэтому обратимся за разъяснением к известному современному специалисту в данной области: «Манихейские эоны – небесные силы, принадлежащие свету и не соприкасавшиеся с миром смешения. Для обозначения подобных же единиц в тёмном либо смешанном мире употребляется слово “миры”» [Там же, с. 141]. Мрак включает в себя 5 стихий (дым, огонь, ветер, воду и тьму) и 2 мира (сухое и влажное).

4. Между мраком и светом произошло столкновение. Обе стороны при помощи эманации создали свои воплощения в виде ангелов и демонов. Воплощениями Отца Величия являются также Великий Дух и Первый человек. В процессе этого противостояния в одной области мрак и свет перемешались, создав, тем самым, земной, материальный мир, в котором уживаются и дух, и материя. Мотив, толкнувший мрак к нападению на свет, – зависть.

5. Цель Отца Величия – вернуть тот свет, который смешался с материей. Для этого он создал Еву, чтобы она просветила Адама (эманацию первого человека). Но демоны, созданные материей (адаманти), тоже не бездействуют. Посланцы Отца Величия стараются уменьшить их влияние на людей, однако адаманти поступают точно так же. Каждый посланец Бога истины, именуемый «апостолом», создаёт свою церковь, которую люди по наущению демонов уничтожают. Как говорилось выше, к числу таких «апостолов» Мани причисляет Будду, Заратуштру, Платона, Моисея и, конечно же, себя.

6. Борьба за освобождение света, заключённого в материи, ведомая каждым верующим манихеем, заключается в запрете на нанесение вреда живым существам и при этом помощь им в уходе из материальной жизни. То есть манихей не должен никому ни в чём помогать, кроме как уйти из материальной жизни.

7. Манихейство признаёт реинкарнацию, занимавшую немалое место в буддизме и философии Сократа. По мнению Мани, человек, не избавившийся от греха, то есть материальных влечений, будет рождаться снова и снова. Если после нескольких перерождений очищение не наступит, то душа признаётся потерянной и помещается в геенну огненную.

8. Количество света в мире постоянно дробится из-за того, что люди размножаются. Задача Отца Величия становится всё менее выполнимой. Поэтому размножение – грех. Чем скорее весь свет покинет материю, тем быстрее мрак будет побеждён. Для этого одни люди должны умирать, а другие – не рождаться. И мужское, и женское начало считается в манихействе безусловным злом, ведь дух должен быть бесполом.

9. Когда света в мире останется совсем мало, то произойдёт «последняя» война, в которой «грешники» на короткий срок возьмут верх над «праведниками». Под «грешниками» понимаются те люди, которые живут материальными интересами, следовательно, «праведники» – те, кто выбрал чистый дух. Дату начала «последней битвы» укажут звёзды. «После этого Зов и Слух, образуя божественное двуединство – Помысел жизни, соберут весь оставшийся в мире свет и сделают из него Последнее изваяние (*мессию – авт.*), которое вознесётся» [Там же, с. 129]. Таким образом, в манихейскую догматику входит и эсхатологическая война, в которой материя потерпит поражение. Её нельзя уничтожить, но после изъятия утерянных частиц света она не будет иметь к людям никакого отношения. «Грешники» останутся в материи, а «праведники» вознесутся к Отцу Величия, где из освободившегося света божество Великий Строитель уже создаёт новый эон.

Итак, из вышеперечисленного можно сделать вывод, что Мани соединил в синкретической системе разнородные фрагменты буддизма (реинкарнацию), гностицизма (неприятие наличного мира), иудаизма (учение об Адаме и Еве), христианства (конец света) и зороастризма («чёрно-белый» дуализм), а также античной философии (неоплатоническое учение об эманации). Но какова же общая направленность манихейства? Думается, что Мани заставил компоненты всех указанных выше религиозно-философских течений вращаться вокруг доминанты его мировоззрения: отрицания мира. Ведь исходным пунктом манихейства является признание материи безусловным злом. Следовательно, мир, в котором есть хоть что-то материальное, уже в принципе не может быть хорошим. Пророк зовёт не привести мир в порядок, оформив его или помогая в этом Творцу, а попросту указывает людям на дверь. По его мнению, в земном мире незачем бороться со злом или поддерживать добро, единственный способ избежать худшего – завершить материальную жизнь. При этом убийство и самоубийство не являются выходом в силу догмата о реинкарнации. Если человек просто умрёт или будет убит, то страдания материального бытия для него не закончатся: наступит новое перерождение со всеми вытекающим из этого негативными последствиями. Поэтому, по мысли Мани, человеку ещё при жизни следует отвыкнуть от любых материальных устремлений, то есть от самой жизни.

При этом все религиозно-философские доктрины, из которых синкретически «вылеплено» манихейство, отличаются позитивным и почти всегда активным отношением к реальности. В зороастризме, как мы видели выше, мир изначально благ и хорош, потому что создан добрым божеством Ахура-Маздой. Ариман портит то, чего сам не создавал, а его творения не могут существовать сами по себе, в отличие от того, что создано светлым божеством. Роль человека здесь активна: помогать Ахура-Мазде очищать мир от зла, совершая благие дела. Иными словами, доктрина парсизма призывает человека творить добро и настаивает, что земную жизнь можно и нужно исправить.

Христианство, как и иудаизм, вообще не признаёт субстанциальность зла. Бог не творит ничего дурного и создаёт мир изначально совершенным. «И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1:31). Наличие зла в мире связано не со злым умыслом Бога (что в принципе невозможно, потому что Бог благ), и не с ущербностью творения (Бог всеведущ и всемогущ), но только лишь со свободой воли. И человек, и Сатана проявили своеволие и понесли за это справедливую ответственность. Но ещё ничего не окончено. Бог в надлежащий час уничтожит наличный мир и создаст новый, более удобный, а человек к этому времени должен очистить от греха самого себя. Очищение же выражается в благих делах, хотя и не только в них. Мани заимствует из христианства ряд моментов, которые могут быть изменены под стать общей направленности его учения, но при этом христианская Церковь почти игнорировала манихеев. К примеру, Вселенские Соборы первых веков обходят манихейство вниманием, предпочитая критиковать христианских еретиков (Ария, Нестория). Об учении Мани лишь кратко говорят святые Мартин Турский и Иоанн Дамаскин.

Буддизм проповедует «четыре благородные истины», согласно которым любая жизнь представляет собой страдание, причина которого – несовершенство самого человека. Но идеал буддизма всё-таки не отшельник, умерщвляющий плоть и дух, а бодхисаттва. Под данным термином понимается человек, достигший нирваны (научившийся способу больше не перерождаться и, следовательно, не страдать), но оставшийся в земной жизни ради других людей. Бодхисаттва не обретает покоя только потому, что хочет научить этому ближних. Таким образом, при всей пассивности и холодности буддизма, в нём присутствует альтруистический момент.

Мани же позаимствовал из каждой освоенной им религии только учение о несовершенстве мира, уделяя особое внимание зороастризму. И здесь, для успешной борьбы с Ариманом, он предложил не творить добро, а просто покинуть мир, устранившись от всего вообще. Не преобразовать материю в удачную комбинацию, а отвергнуть её совсем в пользу чистого духа, который имеет с человеком и жизнью вообще предельно мало общего. К тому же в манихействе присутствует момент эсхатологической войны, то есть всё-таки содержится призыв борьбы со злом. Но в чём же будет заключаться эта борьба? В окончательном изъятии духа из материи, то есть в уничтожении всех «непосвящённых» для их же блага. В этом коренное отличие манихейства от христианства, которое, признавая конец света и Страшный суд, не приемлет какой-либо войны праведников с грешниками. Евангелие прямо указывает, что Господь пресечёт жизнь наличного земного мира тогда, когда сочтёт нужным, и без помощи людей: «Тогда, если кто скажет вам: “вот здесь Христос”, или “там”, - не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, я наперёд сказал вам. Итак, если скажут вам: “вот, он в пустыне”, - не выходите;

“вот, он в потаенных комнатах”, - не верьте; ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; ибо, где будет труп, там соберутся орлы» (Мф. 24:23-28).

Если приложить основные положения манихейства к повседневной жизни, то получится следующая этика. Поскольку земной мир, выражающийся в наличной реальности, является сбоем в замысле Отца Величия, то в нём нет ничего хорошего. Страшась предаться мраку или предать ему другого человека, манихей избегает жизни вообще. Манихей не хочет творить зло, но при этом и не творит добро. Единственная его цель – устранившись от наличной действительности и по прошествии жизни покинуть её. Неслучайно смерть одного из членов манихейской общины считалась праздником, во время которого звучали песнопения, стилизованные под христианские псалмы. Смерть самого Мани считалась «праздником освобождения» и ежегодно отмечалась подобно Пасхе.

Но полностью ли индифферентен к реальности манихей? Разве всякий последователь Мани был отшельником? Ведь даже сам пророк не тяготел к уединению и аскетизму. Адепт манихейства видит свою задачу в извлечении из мира находящихся в нём «частиц света», но без пролития крови и личного участия в убийстве кого бы то ни было. Значит, манихей просто поможет другим людям не задерживаться в жизни. Любые политические катаклизмы, чреватые массовыми расправами, для него желанны: ведь тогда множество людей покинет этот мир. Часть из них не переродится, а сразу устремится к Отцу Величия. Значит, нет большой беды в том, что большинство «непосвящённых» считает горем и величайшим бедствием. Можно предположить, что, не имея возможности открыто проповедовать эсхатологическую войну, манихеи тайно сотрудничали с любой силой, стремящейся к потрясениям и расправам. В Леванте они могли оказывать определённые услуги персидской разведке, потому что каждая война уносит жизни людей и тем самым освобождает души из плена материи. Манихеи персидского подданства могли точно так же сотрудничать с римской, а позднее - византийской разведкой, лишь бы война не заканчивалась. Чем дольше продлятся боевые действия, тем больше света покинет «зону смешения». Если адепт манихейства в своей мирской жизни занимал ответственную должность, то почти наверняка он пускал дела на самотёк или даже специально саботировал их, если это могло погубить кого-нибудь. Но, разумеется, ни в коем случае не своими руками. Таким образом, под предлогом борьбы со злом, пророк Мани предложил попросту отдать ему весь мир. Даже если допустить, что манихей просто стремится к уклонению от реальности, никак других людей не затрагивая, то всё равно картина получается удручающая. При этом вместо благодарности государство, терпимо относящееся к такой общине, получает только лишь постоянный источник нестабильности, затаённую «пятую колонну». Именно поэтому манихейские общины подвергались преследованиям везде, где только им удавалось обрести хоть какое-то влияние. Например, в Китае манихеи настойчиво сотрудничали с апокрифическим буддийским течением «Школа Чистой Земли» («Цзинтуцзун»), что привело к слиянию обеих организаций в подпольную секту «Белый Лотос» («Байляньцзяо») эсхатологической направленности. В Персии, действуя без отсылок к христианству, манихейство приняло активное участие в эсхатологическом движении маздакитов. В Средиземноморье манихейство повлияло на становление таких духовных течений, как богомилы и катары. В данной работе мы проследили религиозно-философские основания манихейства. По нашему убеждению, это – гностицизм, зороастризм, буддизм и иудаизм, а так же некоторые фрагменты античной философии и христианской эсхатологии. Остаётся открытым вопрос: почему Мани, имея возможность синтезировать фрагменты данных учений как угодно, создал из них именно такую, отрицающую жизнь доктрину? Но это тема для другого исследования.

Список литературы

1. **Бойс М.** Зороастрийцы: верования и обычаи. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 288 с.
2. **Доддс Э. Р.** Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с.
3. **Иоанн Дамаскин.** Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. М.: Индрик, 2002. 416 с.
4. **Смагина Е. Б.** Манихейство. М.: Восточная литература, 2011. 519 с.
5. **Хосроев А. Л.** Александрийское христианство. М.: Наука, 1991. 276 с.

RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF MANICHAISM

Sulimov Stanislav Igorevich, Ph. D. in Philosophy
Chernigovskikh Igor' Vasil'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State University of Engineering Technologies
sta-sulimov@ya.ru; igrchernigovskix@rambler.ru

The authors consider the genesis of Manichaeism as a religious-philosophical doctrine, determine its connection with Zoroastrianism, Christianity and Buddhism, consider these teachings as spiritual foundations of the Manichean conception, emphasize that the main pathos of Manichaeism was not Christian, but gnostic, and trace the impact of the Manichean teaching on the spiritual and political life of the countries, in which it gained ground.

Key words and phrases: Manichaeism; Zoroastrianism; Hellenism; syncretism; gnostic doctrine; Elhasaits.